

ЭТНОНИМЫ, ТОПОНИМЫ И АНТРОПОНИМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЭПОСЕ «НАРТЫ» И ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКАХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Х.Х. Малкондуев

В статье кратко рассматриваются эпические топонимы, этнонимы и антропонимы, встречающиеся в карачаево-балкарской версии Нартиады. Приводится ряд примеров, имеющих аналогии в родственных тюркоязычных памятниках и географических названиях. Особое внимание уделяется алано-дигорским гидронимам, которые нередко встречаются в ущельях Балкарии, а также упоминаются в контексте нартских сказаний карачаевцев и балкарцев. Дается научное объяснение этих названий. Опираясь на исследования специалистов по ономастике, приводится ряд примеров о древних этнонимах «ас» и «алан», определяется их место в карачаево-балкарском эпосе «Нарты». Впервые в национальном нартведении дается объяснение антропонима Къайнар тейри (Бурлящий бог). Образ данного божества, являющегося наиболее древним персонажем карачаево-балкарского богатырского эпоса, рассматривается в сопоставительном аспекте с древнейшим мифологическим божеством тюркского язычества Кайраканом (Бурлящим). Изучение в сравнительном плане ряда фольклорных текстов и научной литературы о древних верованиях тюркских племен также выявило, что мотив о небесном происхождении мудрой чародейки Сатанай (Сатана, Сатаней-Гуаша) в карачаево-балкарском богатырском эпосе «Нарты» перекликается по содержанию с мотивами мифологических сказаний древних тюрков. Анализ ономастической терминологии карачаевцев и балкарцев показал, что происхождение названий ряда камней в Чегемском ущелье связывается с именами нартских богатырей (Сосурукъну таши «Камень Сосрука», Гемуда-Секирген-таши «Камень-Через-Который-Перепрыгнул-Гемуда» и т.д.), что подтверждает тесную связь содержания богатырского эпоса и материальной культуры народа. На наш взгляд, это явление связано с исторической памятью этноса и историзмом нартского эпоса.

Ключевые слова: героический эпос, ономастика, антропонимы, этнос, тюркские племена, аланы, Кавказ, дигорцы.

The article briefly surveys epic toponyms, ethnonyms and anthroponyms, found in the Karachay-Balkarian version of the Nartiada. A number of examples, having analogies in related works in Turkic and geographical names, are given. Particular attention is paid to Alan-Digor hydronyms, which are often found in the gorges of Balkaria and in the context of the Narts' legends of the Karachais and Balkars. The scientific explanation of these names is given. Based on the research of the scientists, experts on onomastics, a number of examples of ancient ethnonyms «As» and «Alan» are given, their place in Karachay-Balkarian epos «Narts» is determined. For the first time in the national nartology, the anthroponym Kaynar teyri (Poppling god) is explained. The image of this deity, who is of the most ancient characters of the Karachay-Balkarian heroic epos, is considered in comparative aspect with the oldest mythological deity of Turkic paganism Kayrakan (Poppling). Comparative study of a number of the folklore texts and scientific literature on the ancient beliefs of the Turkic tribes also revealed, that the motive of heavenly origin of the wise sorceress Satanay (Satan, Sataney-Guasha) in the Karachay-Balkarian epos «Narts» echoes in content with the motives of mythological legends

of the ancients Turks. Analysis of onomastic terminology of the Karachais and Balkarians showed, that the origin of the names of a number of stones in the Chegem gorge is associated with the names of the Narts' heroes (Sosuruknu tashi «Sosruk's stone», Gemuda-Sekirgen-tash «Stone-Over-Which-Gemuda-Jumped», etc.), which confirms close connection between the content of the heroic epos and the material culture of the people. In our opinion, this phenomenon is connected with the historical memory of the ethnos and the historicism of the Narts' epos.

Keywords: *heroic epos, onomastics, anthroponyms, ethnos, Turkic tribes, Alan, Caucasus, Digorians.*

В последние годы достигнуты значительные успехи в изучении кавказской Нартиады, подтверждением чего являются многочисленные публикации по этой теме. Среди них следует особо выделить работы З. Д. Джапуа [1], Л. А. Чибирова [2], А. М. Гутова [3; 4; 5; 6], Л. С. Гергоковой (Этезовой) [7] и недавно выпущенное монографическое исследование Х. Х. Малкондуева, посвященное актуальным проблемам богатырского эпоса карачаево-балкарского народа [8].

Положительным явлением в кавказоведении является и издание текстов нартского эпоса на своих родных языках чеченскими [9] и ингушскими [10] учеными-фольклористами, сопровождающихся интересным научным аппаратом и вступительными статьями, дающими объяснение широкого круга проблем, связанных как с отдельными национальными версиями данного памятника, так и с кавказской эпической традицией в целом.

Следует отметить как большое, знаковое явление в истории культуры народов Северного Кавказа проведение Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ряда Международных научных конференций по различным проблемам эпоса «Нарты». В них традиционно принимают участие филологи, историки, этнографы и философы из разных регионов Северно-

го Кавказа, Российской Федерации и зарубежных стран. Материалы этих конференций, как известно, издаются в книжном формате под названием «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации» [11; 12; 13].

В фольклористике традиционно принято считать, что эпос «Нарты» среди тюркоязычных народов Северного Кавказа бытует только у карачаево-балкарского этноса (в этногенезе которого аланский субстрат и кавказский суперстрат занимают значительное место). Однако исследования последних лет убеждают в том, что некоторые мотивы и сюжетные элементы данного памятника встречаются и в ногайском и кумыкском фольклорах [14, 30-48; 15, 36-45]. На наш взгляд, это объясняется влиянием на художественно-эстетическое сознание упомянутых народов культурной традиции автохтонного населения, издревле населявшего Кавказ.

Цель представленной работы состоит в том, чтобы ознакомить в свете наших последних изысканий со своими размышлениями по поводу трудов специалистов по фольклору и этноисторической науке, посвященных некоторым проблемам нартского эпоса. В отличие от ранее написанного, в данном исследовании нами делается заметный акцент на изучении ономастической терминологии, бытующей в

карачаево-балкарском эпосе «Нарты», а также на некоторых древних общих алано-тюркских этнонимах, в которых много неясного. Нам представляются вполне обоснованными суждения специалистов по ономастике В. А. Никонова и А. М. Решетова, полагающих, что: «В ряде работ еще нет четкого различения истории этнонима и истории народа, а это совсем не одно и то же: один и тот же этноним нередко обозначал различные народы, а один и тот же народ называли по-разному» [16, 4].

По имеющимся в нашем распоряжении материалам, топоним «*Къаф таула*» — «Кафские горы» или «*Къуф таула*» — «Куфские горы» в различных прозаических текстах и поэтических конструкциях в виде эпических мифологем встречается в следующих формульных сочетаниях: «*Къуф таула*»/«Куфские горы»; «*Къуф таулань ичинде...*» — «внутри (в середине) Куфских гор»; «*Къуф дорбунда*» — «в пещере (горы) Куф»; «*Къуф таулань сыртларыча*» — «словно склоны Куфских гор»; «*Къарашауай Къуф таулань болат магъаданындан ишленген кылычын сермен, эмегенлени кырыды*» — «Карашауай, схватив свой меч, изготовленный из булатной руды Куфских гор, истребил эмегенов»; «*Ура, бере, нартла Къуф таулагъа киргендиле. // Тёбелеча, эмегенле кёргендиле*» — «Скача и двигаясь, нартлы в Куфские горы вступили. // Словно холмы, эмегенов увидели». В «Глоссарии» к книге «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев», Т. М. Хаджиева дает очень краткое объяснение данному термину: «Каф, Куф, Куфские горы — эпический топоним» [17, 645].

Весьма основательно в своей книге подошла к объяснению данного,

широко представленного в тюркской эпической словесной культуре топонимического формульного явления Л. С. Толстова: «Так, *Кап-тау* — горы, по мусульманской космогонии, *окружавшие мир*; так же назывались горы *Кавказа и северного Ирана* (у каракалпаков и ряда других тюркоязычных народов *Кап-тау*, с которыми связаны многие легенды и исторические предания, — *Кавзские горы*; у башкир *Каф-тау* — горы, находящиеся на краю света); *Демавенд* — высочайшая вершина в горах *Эльбурса*, с которой связаны многие древние сказания; *Эльбурс* — горная система в северо-западном Иране, по южному побережью Каспийского моря; по *Бундахишну*, горный кряж *Альборз* (по *Авесте* — горы *Харайти* или *Хара Березайти*) — расположен вокруг мира. Это — то же самое представление, которое, по мусульманской космогонии, относится к горам *Кап-тау*, с аналогичной или близкой локализацией реальных прототипов этих легендарных горных систем» [18, 178-179].

Нам представляется, что рассуждения Л. С. Толстой выходят за рамки ономастической науки и носят философско-аналитический характер с историко-этнографическим и фольклорно-мифологемным уклоном. И это вполне объяснимо. Так, данный топоним в звучании *Кап-тау*, *Каф-тау*, как видно из контекста, широко распространен на значительной территории, начиная от Средней Азии до Ирана и Северного Кавказа. Вполне допустимо, что это неслучайно, и данный топоним по мусульманским представлениям о пространстве и времени мог носить космогонический характер и перейти в фольклор тюркских наро-

дов, что было воспринято и предками балкарцев, начинавшими заселять Кавказ во II в. н.э., как духовно-эстетическое явление. Продолжая данную тему, мы обратим внимание на следующие этнокультурные явления и процессы, которые происходили в средние века в Балкарии.

На новой родине, где, начиная с XV-XVI вв., интенсивно насаждались тюркские топонимы, вытеснявшие дигорско-аланские названия, обозначения Кап-тау, Каф-тау нашли место и в духовной культуре предков балкарцев и карачаевцев, в частности, в повествовании эпоса «Нарты», обогатив тем самым художественными образами одну из национальных версий этого великого эпического памятника.

Так произошло и с названием реки, что протекает посередине аула Уллу Чегем или Уллу-Эль в верховьях Чегемского ущелья. По рассказам старожилов, ее называли в древности *Балдан* (Медовая река), затем *Адыл* (Волга), а после истребления чегемцами своих соплеменников, жителей аула Зылгы (Жылгы) Черекского ущелья, в честь победы над ними *Жылгы-суу* (река Жылгы). Гидроним же *Адыл*, как и *Адыр*, *Итил* нередко встречается в нартском эпосе, обозначая великую реку Волгу.

Хотелось дополнить свои мысли следующими соображениями: во всех ущельях Балкарии часто прослеживаются дигорские топонимы, скомбинированные с тюркскими географическими названиями гидронимического характера в осмыслении иноязычного термина «*дана (дона)*» в значении «река», «вода»: *Къардан* — «Снежная река», *Шаудан* — «Родниковая река», *Буздан* — «Ледяная река», *Балдан* —

«Медовая река», *Хорасандан* — «река Хорасан».

Здесь впору привести весьма толковые суждения Дж. Логашовой, которая писала: «При анализе более поздних названий рек как общее явление отмечается присутствие в них конечных звуковых компонентов, обозначающих «воду», «реку», «речку», «ручей» и т.д., так как при смене населения старые названия рек, в которых уже содержалось понятие «воды-реки», принимали новые определяющие слова с этим значением» [19, 77-78].

Следует отметить, что все же этническая история алан с древнейших времен была тесно и глубоко связана с политической жизнью тюркских народов Алтая и Средней Азии, на что обратили серьезное внимание ученые-лингвисты, изучавшие широкий спектр проблем полиэтнической культуры данного региона. Так, Толстова пишет: «Из ранних ираноязычных этнонимов, оставивших следы в топонимии и этнонимии Средней Азии, прежде всего связанной с туркменами и узбеками, следует отметить название древних *аланов*, раскинувших свои кочевья во II — IX вв. н.э. от степей Приаралья до Северного Кавказа. Аланы, составившие основное ядро при формировании осетинского народа, приняли участие и в этногенезе ряда других народов: восточные группы аланов, позже тюркизированные (процесс их тюркизации отмечен великим хорезмийским ученым XI в. ал-Бируни, который писал об аланах, живших в районе Сарыкамыш: «это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского»)), вошли в состав туркмен

и узбеков, что нашло отражение в исторической ономастике» [20, 10-11]. Далее ученый продолжает: «Связанные с названием аланов топонимы и этнонимы фиксируются, прежде всего, в низовьях Амударьи... отмечена община «*Кырк алан*» («Сорок алан». — Х. М.), *Алан-яб...* *Ходжа-мияр-алан*. К названию *асов*, т.е. тех же аланов, восходит родовой этноним *асс...* (*Асс-Хорезм*; *Ишбай-ас-Хорезм*; *Хустии-ас-Хорезм*)» [20, 11].

Как известно, этноним «ас» в прошлом был широко распространен и среди прямых потомков жителей Золотой Орды — ногайцев, которые занимали обширную территорию в Евразийских степях, на что обратил внимание ряд ученых в своих научных исследованиях [15, 42; 21, 84; 22].

Нам же представляется, что двигаясь из Ирана на север и занимая обширные земли Средней Азии и Алтая, а затем и долины рек Урала, Волги, Дона и степи Северного Кавказа, после столкновения с многочисленными воинственными тюрками (гуннами, аварами, огузами, хазарами, печенегами, кыпчаками-половцами), которые кочевали из Китая на запад, со временем, после основательной ассимиляции алан и значительной трансформации политической карты этих мест, могли происходить изменения в эндоэтническом и экзоэтническом названии алан.

Допустимо, что термин «ас» мог быть в далеком прошлом широко распространенным экзоэтнонимом, которым их могли называть соприкасающиеся с ними тюркские, ираноязычные и другие народы.

Своеобразны и актуальны суждения по этому вопросу Б. Х. Кармыше-

вой. В своем весьма интересном исследовании она пишет: «Этнонимы и топонимы с основой *ас* или *аз* зафиксированы на обширной территории от Алтая и до Урала, Кавказа и Крыма. Обзор противоречивых взглядов, существующих по вопросу об их происхождении, приведен в книге Р. Г. Кузеева. Следует подчеркнуть, что попытки усмотреть в топонимах основу *ас* не всегда бывают достаточно аргументированными» [23, 20].

Не может не вызвать удивления содержание одного из древнейших древнетюркских рунических памятников, при рассмотрении которого выдающийся востоковед С. Г. Кляшторный высказал интересную мысль: «С ландшафтным описанием непосредственно соотнесена третья этнополитическая картина мира, маркированная этно- и, изредка, антропонимией («страна Капкан-кагана и народов тюрков-сиров», «Уйгурская земля», страна народа *аз*»). Эта картина отражает неразрывную предметно-чувственную связь людских сообществ, организованных по генетическому принципу, с их «собственной землей» [24, 123].

В связи с этими рассуждениями об этнонимах «алан», «ас» следует признать, что в карачаево-балкарской этнографии остается сомнительным и спорным положение о том, что лексема «алан» выражает этническое понятие или форму обращения «гражданин», «человек», «товарищ». Иногда приходится соглашаться с кое-какими эпизодами из нартского эпоса, где в контексте столкновения богатырей с эмегенами вырисовывается ее этническое выражение. Имеет место, когда в некоторых случаях перевода текстов с

карачаево-балкарского языка на русский Хаджиевой данная словоформа передает этническое понятие: «Аланы, посмотрю, если там живут люди» [17, 498], «С приездом, будь гостем, алан» [17, 520]. В «Глоссарии», что вполне соответствует истине, она поясняет: «Алан — обращение балкарцев и карачаевцев друг к другу» [17, 643]. Нам же представляется допустимым, что в далеком прошлом лексема «алан» могла выражать в языке карачаевцев и балкарцев эндо- или экзоэтноним, со временем однако вытесненный тюркским этнонимом «*таулу*», который оказался более устойчивым к сложным этно-историческим процессам средних веков, когда тюркские племена занимали огромную территорию в Евразийских степях и землях Центрального Кавказа.

Следует обратить внимание еще на один не освещенный в карачаево-балкарском нартоведении вопрос, касающийся генетических истоков, появления и бытования в Нартиаде антропонима *Къайнар* (в концепте: «Кипящий/Бурлящий»). В тексте «Тейри и нарты» читаем: «Главным именем Тейри Солнца (Небесного Бога — Х. М.) было Кайнар Тейри. Говорят, что когда Кайнар Тейри вместе с Тейри Земли сотворил землю, земля [все время] дрожала, а моря волновались... И тогда Кайнар Тейри создал горы и как клинья вбил их в землю. Вот после этого прекратились колебания земли и волнения морей... Собрав желтые камни — извержения Кайнар Тейри, они (харры — враги нартов. — Х. М.) швыряли их друг в друга» [17, 302].

Как, когда и откуда мог проникнуть заимствованный или унаследованный образ данного мифологиче-

ского персонажа в богатырский эпос карачаево-балкарского народа? Неоценимую помощь в решении этого вопроса нам окажут материалы по древнетюркской мифологии, на которые мы и будем опираться в своем научном изыскании.

Турецкий ученый Ахмед Б. Эрджилясун в своем исследовании выдающегося древнетюркского памятника «Огуз Каган», подробно останавливаясь на его основных содержательных элементах, повествующих о древних верованиях тюрков, подчеркивает: «...мы можем следующим образом передать первые верования тюрков о сотворении мира.

Вначале был создан космос, где находятся солнце, луна и звезды. В этом сыграл определенную роль Небесный Бог...

В алтайских преданиях, несмотря на многочисленные пропуски, добавления и изменения, основная линия аналогична (древнетюркской — Х. М.): имеется Бог-создатель: Юльген, Кудай или Кайракан. Этот бог летает над бескрайними водными просторами» [25, 30].

Данное обстоятельство, очевидно, не оставляет сомнения в унаследовании культа этого персонажа далекими предками карачаево-балкарского народа из древнейшей тюркской мифологической культуры, где большое внимание уделялось сотворению Вселенной и появлению живого и неживого мира в ней.

На наш взгляд, соприкосновение древних тюрков (гуннов, аваров, огузов и др.) с аланами и разными автохтонными племенами Северного Кавказа сопровождалось не только боевыми столкновениями, но и ду-

ховным взаимодействием между этими полиязыковыми этносами, что, конечно, со временем приводило к добрососедским отношениям и культурному симбиозу.

Воспринимая в те далекие времена мотивы кавказского эпоса, турки не могли не удивляться их содержанию, а со временем и звучанию их на родном языке. В процессе формирования эпического ядра данного памятника на языке тюрков они вносили в него ряд элементов из своих архаических верований, тем самым придав «Нартам» национальный колорит и самобытность, что произошло и с образом древнетюркского Кайракана, утвердившегося в карачаево-балкарском богатырском эпосе как *Къайнар тейри* — «Божество Кайнар».

Подобное явление мы наблюдаем и в образе мудрой богоподобной героини карачаево-балкарской Нартиады Сатанай. «Кюнкыз — букв. «солнечная девушка». Так называется Сатанай в сказании «Нарты-сибилы», — читаем в академическом издании эпоса [17, 645]. В одном из древнейших эпических повествований говорится: «... Огуз Каган женился на девушке, спустившейся с неба вместе со светом...» [25, 29-30] Нам представляется, что далеко не случайна близость этих мотивов. Широко распространенный женский образ кавказской Нартиады Сатанай (Сатана, Сатаней-Гуаша) при формировании карачаево-балкарской версии данного эпического памятника мог значительно обогатиться сюжетными элементами из древнетюркской мифологии, значительно расширив его национальные особенности и своеобразие художественно-предметного

мира. Известно, что в карачаево-балкарских нартских сказаниях она рождается от священного брака Солнца и Луны [17, 306] — мотив весьма близкий к повествованиям о небесном происхождении божественной девушки в древнетюркской мифологии. Данный факт также подтверждает влияние древнетюркских языческих представлений на формирование карачаево-балкарской национальной версии Нартиады.

К сожалению, остается недостаточно изученной и карачаево-балкарская ономастика, связанная с мотивами и содержанием нартского эпоса, которая неплохо представлена в старинных высокогорных селах Балкарии и Карачая. По преданиям эти земли до нашествия Аксак Темира (апрель 1395 г.) были заселены дигорцами, материальная и духовная культура которых сыграла большую роль в становлении карачаево-балкарского этноса в сложных географических и исторических условиях позднего средневековья.

Культурно-историческое соприкосновение между аланами-осетинами и балкарцами, как отмечал В. И. Абаев, имеет весьма древний характер [26, 54]. Возможно, эта связь складывалась еще до кавказского периода их расселения, что до некоторой степени подтверждается древними этнонимами, топонимами и тюркскими письменными памятниками, которые нам оставила история.

Таким образом, анализ топонимов, этнонимов и антропонимов, встречающихся в карачаево-балкарском нартском эпосе и древнетюркских памятниках, позволяет сделать следующие выводы:

- указанный пласт лексики свидетельствует об их тесной связи с историей, материальной и духовной культурой народа, создавшего тот или иной памятник;
- на формирование богатейшего эпоса оказал значительное влияние этнический симбиоз ираноязычных алан и тюркских племен, носивший глубокий характер и ведущий свои истоки из Средней Азии и Алтая.

1. Джапуа З.Д. Абхазский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика. М., 2016.
2. Чибиров Л. А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ, 2016.
3. Гуттов А. М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М., 1993.
4. Гуттов А. М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик, 2000.
5. Гуттов А. М. Народный эпос: традиция и современность. Нальчик, 2009.
6. Gutov A. M. Adyghe epos: motives, types, figurative system. Saarbrücken, Academy Verlag, 2013.
7. Гергокова (Этезова) Л. С. Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик, 2015.
8. Малкондуев Х. Х. Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. Историзм. Самобытность. Нальчик, 2017.
9. Далгат У.Б. Нартский эпос народов Кавказа. Избранные труды/отв. ред. И. Б. Мунаев. Грозный, 2015.
10. Нартский эпос ингушей/автор вступ. ст. М. А. Матиев. Назрань, 2017.
11. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2012. Вып. I.
12. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2013. Вып. II.
13. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2015. Вып. III.
14. Аджиев А. М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала, 2005.
15. Плаева З. К. Ногайский вариант нартского сказания о мести Ацамаза // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2015. Вып. III. С. 36-45.
16. Ономастика Средней Азии/отв. ред. В. А. Никонов, А. М. Решетов. М., 1978.
17. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.
18. Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984.
19. Логашова Дж. Из топонимии Каспийского моря // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 77-78.
20. Толстова Л. С. Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 6-17.
21. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982.

22. Чибиров А. Л. Аланы (ясы, асы) и Киевская Русь в трудах Г. В. Вернадского // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. 2015. Вып. III. С. 250-261.
23. Кармышева Б. Х. Следы средневековых этнонимов и антропонимов в узбекских генеалогиях // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 18-27.
24. Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 117-138.
25. Эрджилясун А. Б. Некоторые соображения о дастане «Огуз Каган» // Советская тюркология. 1987. № 6. С. 28-31.
26. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.